

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: "ЧАЙНАТАУНЫ" В РОССИИ

ЭО, 2008 г., № 4

© В. И. Дятлов

ЧАЙНАТАУНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

"Как писать о том, чего нет?" – такова была первая реакция на предложение стать приглашенным редактором номера "Этнографического обозрения", посвященного проблеме чайнатаунов в современной России. Их действительно нет. Значит, вроде бы, и проблемы нет. Вот когда (и если) этот феномен появится, тогда и потребуются исследовательские усилия социологов, этнологов, социальных антропологов, экономистов, политологов, психологов, специалистов по градостроительству и т.д. Тогда и можно будет подумать о специальном выпуске журнала.

Однако же... Идея номера возникла не на пустом месте. Как только в России появились первые мигранты из КНР, тут же в массовом сознании, лексике журналистов, чиновников, политиков, в научном обороте появилось и это слово. И не просто появилось, а стало чуть не основным инструментом осмысления и, главное, оценки феномена массовой китайской миграции и его последствий для страны. Стоит только посмотреть русскоязычную часть Интернет, чтобы убедиться в этом. О чайнатаунах пишут как о свершившемся факте или как о ближайшей перспективе. Чем дальше от китайской границы, тем увереннее чиновники, политики и журналисты говорят об уже состоявшемся формировании постоянных компактных поселений китайцев на Дальнем Востоке и даже в Сибири. Пресса оценивает в категориях чайнатаунов почти любую деятельность китайских мигрантов – особенно в сфере операций с недвижимостью. Образ чайнатауна стал излюбленной метафорой для описания неизбежного, по мнению многих, "окитаивания" востока России.

Чайнатаунов нет. Но их ждут – ждут напряженно и почти обреченно. Как неизбежного визита к зубному врачу. В процессе ожидания – конструируют. Характерно кстати, что преимущественно в терминах "чайнатаун", "chinatown", а не "китайский квартал", "китайская слободка". Не "китай-город". Явление очевидно осмысливается через зарубежный, а не отечественный дореволюционный опыт. Можно говорить, что возникла виртуальная ипостась феномена. Виртуальная реальность – это тоже реальность. Поэтому и она требует внимания, анализа, изучения.

Виктор Иннокентьевич Дятлов – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, заместитель главного редактора независимого научного журнала "Диаспоры", директор Исследовательского центра "Внутренняя Азия"; e-mail: dyatlov@irk.ru

Данные исследования выполнены в ходе работы по сетевому проекту "Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации" (руководитель проекта – д.и.н., проф. В.И. Дятлов – Иркутский Межрегиональный институт общественных наук), осуществляемому в рамках программы "Межрегиональные исследования в общественных науках", реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, АНО "ИНОЦЕНТР (Информация, Наука, Образование)" и Институтом им. Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, выраженная в данных статьях, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

Но есть основания говорить также о том, что помимо виртуального чайнатауна создаются и его реальные "ядра", "зародыши". Это локальности, места, где китайские мигранты концентрируются для жизни, работы, досуга, внутриобщинной жизни, где происходит процесс формирования сетей, связей, структур. Там, где сети, связи, структуры, институты локализируются, приобретают территориальное измерение. Это китайские рынки, общежития и гостиницы, иногда трущобные пригороды с формирующимся китайским компактным населением. Возможно, это те семена, из которых и прорастут с такими опасениями ожидаемые чайнатауны. Пока же нет критической массы, минимально необходимого числа постоянно и долговременно живущих в российских городах китайцев. Потоки сезонников и маятниковых мигрантов – не очень прочная основа для формирования китайских кварталов. Не способствует этому и наследие советской власти, инерция того типа организации городского пространства, которое препятствовало социальной и этнической сегрегации.

Есть и исторический аспект проблемы – чайнатауны в России уже были. В дореволюционной России. Но прошло не просто много времени, минула историческая эпоха. Китайские кварталы и слободки исчезли при советской власти не только физически. Они стерлись из исторической памяти. Остались в ней как смутные воспоминания об Атлантиде или Граде Китеже. Но и остаточный даже не опыт – посттравматический синдром, миф – это тоже обязательный, необходимый объект для изучения. Он (этот миф, неясное воспоминание) косвенно оказывает воздействие на формирование взгляда, дискурса, отношения.

Следовательно, если нет чайнатаунов – это не значит, что нет **проблемы чайнатаунов**. И она, эта проблема, может и должна быть предметом изучения. Тем более что есть уникальная возможность отслеживать процесс, исследовать не готовое, уже давно сформировавшееся явление, а именно процесс его становления и развития – практически с нуля.

Уже сейчас, исходя из мирового и отечественного опыта, можно сформулировать несколько важных исследовательских проблем на этом тематическом поле.

Является ли, в частности, замкнутость жизни китайцев в чайнатаунах следствием их "национального характера" (и тогда неизбежен вопрос – а что это такое вообще – "национальный характер") или это результат общемигрантской ситуации? Иначе говоря: китайские мигранты создают чайнатауны потому, что они китайцы, или потому, что они мигранты? И насколько безусловно, аксиоматично их стремление к замкнутости, к компактному проживанию – стремление к *чайнатаунизации*? И только ли китайцам присуще такое стремление?

Чайнатауны – это средство и механизм изоляции мигрантов от принимающего общества или это специфическая форма и способ их взаимной адаптации?

Это результат естественного стремления к соседству с людьми своей культуры, своего языка, выходцами из своей страны – и/или это особый тип организации общества, специфический механизм социального контроля и власти?

Насколько чайнатауны становятся проявлением диаспоральной стратегии существования и адаптации к принимающему обществу? Стратегии, предусматривающей выстраивание сетей, отношений, мотиваций, механизмов социального контроля, регулирования и санкций на основе представлений о примордиальной принадлежности к группе. Группа рассматривается в этнических категориях, но может быть и этнически маркированной земляческой, клановой и т.д. Ее обязательная характеристика – память/"память" об "исходе", историческая родина как фактор консолидации связей.

Создание мигрантами "маленького Бомбея", "маленькой Одессы", "маленького Китая" – это может быть результатом естественного стремления жить в привычной среде. Этнокультурные анклав, островки привычной культуры, языка, быта, стиля отношений, даже запахов, в чужом обществе как некие "тамбуры", "кессоны", позволяющие с наименьшими потерями перейти из одного мира в другой?

Но если в атомизированное, индивидуализированное общество приходят люди из общества общинного, коммуналистского? Оттуда, где привычны и необходимы в качестве регуляторов поведения, системы ценностей связи примордиального характера? Примордиальные в том смысле, что они оцениваются в качестве таковых человеком и референтным для него сообществом. Можно предположить, что и на новом месте, в чужом обществе такие люди стремятся создать/воссоздать не только привычную этнокультурную среду обитания, но и тип необходимых для них общинных социальных связей, отношений и системы ценностей. Клань, клиентела, "свой-чужой", принцип круговой поруки и коллективной ответственности, племенная мораль, неформальные правила, нормы поведения, законы, структуры власти, санкции – все это может восприниматься как единственно возможный тип отношений. И если эти ядра общинности территориально локализованы – это уже качественно иной, чем этнокультурный анклав, тип чайнатауна.

Можно предположить, что в обоих случаях – это адаптационные модели. Но разные и с разными результатами. Если это только этнокультурный анклав, то возможно посредством его плавное вхождение в другую культуру. Одновременно это возможность сохранения и поддержания элементов родной культуры. Через адаптацию с помощью этого ресурса – вращение новичков в новую среду, их аккультурация, интеграция в социальную и экономическую ткань принимающего общества. И самоликвидация как адаптационного ресурса.

Если же это анклав еще и общинный, то здесь по правилам принимающего общества пытается жить не отдельный человек, а группа как единое целое. Крайний вариант такого развития событий – "закукливание". Неизбежное и далеко идущее следствие этого: постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно, несовместимых типов организации общества, разных механизмов регулирования человеческого поведения, разных образов жизни, систем ценностей и взглядов на мир. И если в дореволюционной России, или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то здесь неизбежны отторжение и конфликт.

Современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, готовое не просто мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения принять и интегрировать вряд ли сможет. И это заставляет уже сейчас задумываться над тем, что может означать возможное появление чайнатаунов для китайских мигрантов и их потомков, с одной стороны, и для принимающего общества и властей России, с другой.

Предлагаемая читателю подборка статей не пытается дать ответы на все эти вопросы. Это не монографическое исследование, а набор очерков, объединенных единой темой. Попытка подойти к проблеме с разных сторон, наметить стратегию дальнейших исследований и поле для дискуссий.